

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (Д. Голсуорси, Д. Олдридж, Д. Оруэлл)

Т.Ф. Разумовская

Нижегородский госуниверситет

Специфика национального самосознания, национальный менталитет, является предметом исследования специалистов самого разного профиля: социологов, психологов, политиков, философов. Архетипические черты этноса, роль генетической памяти, различные доминанты и мотивации поведения, возможность коррекции ментальности и социальной психологии вызывают их интерес. Не остаются в стороне от подобных изысканий и профессиональные писатели, причем их внимание к проблеме национального характера отражается как в сфере художественного творчества, так и в жанрах статей и эссе. Классические примеры соотнесенности романов и публицистики можно найти в разных национальных литературах, например, у Р. Роллана, Т. Драйзера. В ряде случаев выступление писателя в роли мемуариста, критика или журналиста отличается большей остротой, пафосом, доказательностью и аналитичностью. Феномен «американской трагедии» с новыми оттенками смысла дан у Драйзера в статьях «Безработный Нью-Йорк», «Америку стоит спасать».

Тема английского фарисейства — главная для романа «Island Pharisees» Д. Голсуорси. В издании 1908 г. она осмысливается не только на примере судьбы главного героя, непосредственно в тексте, но и в предисловии — на публицистическом уровне: «Девять десятых из нас фарисеи, и все мы живем на острове»¹. Еще раз обратится писатель к проблеме национального характера в специальной статье «Почему нам не нравятся вещи как они есть». Устойчивый интерес к менталитету нации определит общую эстетическую установку: «схватить душу человека и душу нации»². Сходная цель была и в английской классической литературе, в том числе публицистической (памфлет Д. Дефо «Чистокровный англичанин», очерки «Книги снобов» У. Теккерея, статьи Ч. Диккенса «Будьте добры, оставьте зонтик», «Лицемерие»). Следует особо отметить, что именно к примеру из Диккенса прибегает Голсуорси, когда говорит о реалиях современной ему общественной жизни («насмотрелся Бамблов всех мастей»). Присущие английскому характеру замкнутость, самообладание и такое наследие пуританства, как сдержанность в выражении эмоций, есть у диккенсовского Домби и Сомса Форсайта из «Собственника». Этот герой сравнивается однажды с бульдогом, а в романе «Усадьба», опять-таки, как у бульдога, у героя отмечаются старые английские «добродетели» — «упрямство, бесстрашие, нетерпимость и юмор»³. И уже вполне серьезно в любимой героине Динни Черрел автор отмечает генетическое, врожденное чувство долга, достоинство, дух служения людям (роман «Девушка ждет»).

И все же говорить об английском национальном характере, не упоминая о юморе и не используя его, очень затруднительно⁴. Вот почему отдельные оценки Голсуорси по интересующей теме поразительно напоминают диккенсовские образцы, практически их повторяют. Мистер Подснеп демонстрирует что-то вроде «политической ксенофобии» — считает «все другие страны недоразумением»;

Форсайты склонны думать, что «вокруг Британская империя, а дальше край земли»⁵, они полагают, что «лгут только французы и русские» (1, 137). Характеристики эти даны, разумеется, независимо друг от друга и свидетельствуют о типичности явлений, которые у одного писателя получают название «подснепства», а у другого «форсайтизм». Объединяет их то, что, по остроумному замечанию Диккенса, мир для респектабельного англичанина «не слишком обширен в моральном отношении и даже географическом». Теккерей назвал бы это социальным «снобизмом», ибо именно эту «болезнь» он диагностировал, отмечая ее симптомы у вельможи, мещанина, бедняка («сноб» — семантически «подмастерье»).

Любопытно отметить, что Голсуорси в понимании национального характера мог бы солидаризоваться не только со своими соотечественниками, романистами «блестящей плеяды», но и с теми русскими писателями, которые осуществляли критику «со стороны», «извне». Его признанный учитель И.С. Тургенев регулярно посещал Англию в 1856–1860 гг. и оставил такое шутовское наблюдение: «Здоровье королевы пили с большим воодушевлением, она чрезвычайно любима своими подданными, и притом каждый англичанин, который пьет за здоровье королевы, тем самым и в то же время пьет за собственное здоровье, — как тут не воодушевиться?»⁶. Верноподданничество англичан, отмеченное здесь, их ориентация на традицию, здравомыслие, хотя и с более сложным чувством, описывал сам Голсуорси. «Из всех видов собственности здоровье, конечно, интересовало их больше всего», — иронизировал он по поводу Форсайтов в «Собственнике» и даже вышучивал их претензии на бессмертие. Старшие Форсайты чувствуют себя спокойно при «доброй старой Викки» и теряют опору при ее кончине. Стон плывет за катафалком, когда уходит королева. «Век уходит», — так воспринимают происходящее и Джеймс, и Тимоти, и Соме. «To let» — это не только табличка на домах, давшая название одному из романов цикла, но и новое мироощущение, которое воспринимается почти апокалиптически: рушится некий этический канон — Респектабельность, Условность, Добродесть⁷.

Уже не как художник, а как публицист Голсуорси пытается проанализировать факторы, которые придают стабильность или, напротив, разрушают ощущение безопасности и слаженности в глазах англичанина. В статье «Почему нам не нравятся вещи как они есть» он пишет о том, что национальным идеалом его соотечественников, кроме воли к здоровью, стало стремление к материальному благополучию, мысль о выгоде, и, как следствие, утратилась «воля к чувствительности», ослабла восприимчивость, недооценивается творческое начало. «Художник — подозрительная личность, если он не проявляет себя в творчестве как спортсмен и джентльмен» (16, 349), — не без горечи пишет он. Если проецировать эти оценки на романы писателя, то, помимо «Виллы Рубейн» с образом бунтаря Алоиза Гарца, вспоминается, конечно же, конфликт «Собственника»: «Набеги Красоты и Искусства на мир Собственности». Класс Форсайтов «верует в питательную вкусную пищу и чужд сентиментальному стремлению к красоте» (1, 38). Сомса постоянно удивляет, что «Ирен музыку ценила больше денег» (2, 666); у Джеймса многолетняя «привычка смотреть на мир исключительно с точки зрения денег» (1,42).

Форсайты — служители прагматической идеи, сантименты они считают ненужной роскошью, и это не только их социальная или психологическая, но и национальная характеристика. Тимоти, «человек рассудка», который «недооценивал стоимость эмоций», конечно же, истинный англичанин в глазах Голсуорси. И совсем неслучайно об Ирен и ее сыне Джоне сказано, что в своем путешествии по

Испании они наслаждаются отсутствием соотечественников, становятся «гражданами мира» вне Родины и национальности, можно сказать, у них ослаблена «генетическая память». Герои художественного типа с преобладанием эмоционального начала («люди сердца») у Голсуорси всегда как будто «не вполне англичане». У них иная, чем у социального и национального окружения, иерархия понятий: важнее денег постматериальные ценности, повышена тяга к идеалу, духовности, собственную социальную данность они воспринимают как «несвободу», защищаются (пусть временно и частично) от своего клана, внутренне перерастают рамки национальной ментальности, сознательно корректируют ее в себе ради сохранения своего лучшего «я». Это герои-полукровки из «Саги о Форсайтах», Шелтон в «Острове Фарисеев», Хилери в «Братстве», Уилфрид Дезерт в «Конце главы». Опозиция окружающему возникает как раз из-за непривычных доминант и мотиваций их поведения, с одной стороны, и традиционных стереотипных установок абсолютного большинства — с другой. Классический пример — отречение У. Дезерта и публикация им поэмы «Леопард», что приводит героя к положению изгоя и романтического скитальца. Доминанта «совести» и «справедливости» у такого персонажа, как Мистер Стоун, придает ему уже черты безумца, чудака, живущего в особом «антимире». В этом он сближается с национальной классической традицией («конек» у героев Стерна, пиквикисты Диккенса), и с русской литературой (типы правдоискателей, Левин, князь Мышкин). Мечтая о всеобщем братстве, альтруист Стоун, действительно, мог бы повторить русский афоризм: «доброе братство милее богатства». Это уже выход на уровень общечеловеческих ценностей, проявления качественно иной ментальности, в которой важен приоритет духовности, роль интуиции (сверхсознания), вера в мифы, символы, нацеленность на глобальные проблемы (в данном случае в форме прожектерства, эпатажа). Многие из названного — составляющие «тайны русской души» (как ее трактуют социологи).

Свое понимание того, что представляют собой «русский» и «англичанин», Голсуорси изложил в одноименной статье, написанной для журнала «Россия XX в.» в 1916 г. Различия, существующие между странами и народами, чертами этноса, автор вполне осознает и объясняет неодинаковостью географических, климатических условий, особенностями политического устройства. Интуитивно чувствуя, что для британцев важнее «дело», а для славян «слово», он настаивает на том, что не столкновение, а взаимодействие должно быть определяющим, характер общения предпочтителен не антагонистический, а взаимно полезный. Неоднократно, настойчиво повторяется тезис о творческом диалоге, диалектическом «взаимодополнении». «Русский и англичанин составляют как бы две дополняющие друг друга половины одного целого...» (16, 370), «мы совместимы, но отнюдь не взаимозаменяемы» (16, 374). Понимая, что для русских значимее «дух правды», а не ее «буква», «жизнь чувствами», а не «здоровый смысл», писатель видит здесь источник взаимного интереса: недаром (как отмечалось выше) своих лучших, любимых героев он выводит за пределы национальной ментальности. И как публицист, и на собственной художественной практике он осознал истину: «Нам есть чему поучиться у вас в искусстве, вам есть чему поучиться у нас в жизни» (16, 374). Называя англичан «наименее искренней из наций», «слишком сдержанной» в искусстве и склонной к морализаторству, Голсуорси рекомендует обратиться как к образцу к русской литературе, с ее искренностью, прямоотой и правдивостью. Открытость, готовность к экспансии культуры он считал очень важной. Именно из-за Гоголя,

Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова сам писатель, по его признанию, лучше понимает «русскую душу» («это лес менее темный, чем многие другие» — 16, 340). Примечательно, что и частные оценки русской ментальности Голсуорси делает с опорой на свой читательский опыт⁸. В связи с упоминанием имени Чехова он пишет: «исконно русскую бесхребетность он воспринимает как некий рок» (16, 435). Трудно прокомментировать эту характеристику в привычных терминах. Может быть, Голсуорси имеет в виду то, что Н. Бердяев в работе «Судьба России» называл «моралью притязаний», «моралью ожиданий», «претензий?» Явно, что для англичанина, ориентированного на «дело», ближе был девиз ученого: «Только ответственный свободен и только свободный — ответственен». Все это, правда, только из области предположений. Что же касается прямо и неоднократно выраженной позиции, то она резюмируется в словах: «Мы как две половины единого целого, совершенно между собой не схожие» (16, 374).

В другой статье, как будто продолжая эту свою мысль, Голсуорси цитирует Т. Гарди: «Международный обмен мыслями — единственный путь к спасению мира». Дополняет он этот тезис идеей культурного обмена, контактных связей среди писателей. Обосновывается это таким образом: поскольку «искусство — жрица гуманизма», то «всякое подлинное произведение, индивидуальное и национальное по своим корням и фактуре, в то же время воздействует на любого человека любой страны» (16, 391).

С пафосом этого высказывания и всем комплексом идей статьи «Международная мысль» мог бы согласиться такой английский писатель и публицист, как Д. Олдридж. Так же, как Голсуорси, он интересуется проблемой «русский и англичане» и одну из своих статей аналогичным образом называет «Англичане и Советский Союз» (получена в рукописи и опубликована журналом «Иностранная литература» в 1987 году). Культурные контакты, которые считал столь продуктивными Голсуорси, отмечает и Олдридж. Открывает статью он упоминанием о Лоуренсе Оливье, исполнителе роли Астрова в спектакле Национального театра «Дядя Ваня». Затем пишет об обществе культурных связей с СССР и тех писателях, которые его поддерживали, о фильмах военных лет и «сотнях шпионских книжек». Приносящая «ужасный вред» массовая литература, выполняющая определенный социальный заказ, на его взгляд, не смогла достичь главного — «привить английскому народу чувство ненависти к Советскому Союзу»⁹. В прошлом не достигли этой же цели карикатурные изображения большевиков «в виде звероподобного русского мужика с бомбой за спиной» (164). С горечью писатель констатирует, что в создании стереотипов «виноват английский интеллектуальный климат», «агрессивный тип мышления», когда многие в лучшем случае занимают выжидательную позицию. Вывод, что «противнику СССР ничто не грозило, сторонник же часто подвергал себя серьезному риску» (165), напоминает коллизии из романов Олдриджа «Дипломат», «Опасная игра», «Пленник чужой страны», Напомним, что, подружившись с русским летчиком А.Водопьяновым, герой дилогии Руперт Ройс поднимается до уровня общечеловеческих ценностей, посвящает себя «спасению своих детей, жены, самого себя и своего народа, но не может быть равнодушен и к судьбе всего земного шара».

Тем более пассивность и равнодушие противопоставлены писателям, поскольку «история, традиции сделали их солдатами мира»¹⁰. В устах Олдриджа такая оценка менее всего кажется случайной, так как он сам известный публицист и обществен-

ный деятель (имеет статус лауреата международной ленинской премии «За укрепление мира между народами»).

Проявляется эта активная гражданская позиция и в тексте анализируемой статьи, ее смысловых акцентах. Проследив эволюцию отношения англичан к Советскому Союзу, Олдридж говорит о глубоком политическом интересе, начиная с 20–30-х гг., сложностях в связи с перегибами коллективизации и репрессиями, надеждах на спасительную роль России в борьбе с фашизмом, «враждебности и страхе», которые питали «холодную войну». На будущее он рекомендует «постепенно и осмотрительно переходить от политики сдерживания к политике соревнования и от конфронтации к сотрудничеству»¹¹. Мир без ядерного оружия — это та перспектива, к которой «мы приближаемся к концу нашего трудного и опасного двадцатого столетия» (166), делает вывод автор в финале статьи. Русские слова «гласность» и «перестройка» он считает общепонятными, не нуждающимися в специальном переводе: «эти емкие слова по праву вошли в английский язык».

Третий из интересующих нас авторов, Джордж Оруэлл, напротив, полагает, что барьер понимания чужого сознания очень велик и, в принципе, трудно преодолить. «Характерные национальные черты с трудом поддаются определению, а попытки дать им определение сплошь и рядом оборачиваются набором банальностей»¹², — считает писатель и ссылается на расхожие мнения, что испанцы жестоки к животным, итальянцы шумны, а китайцы привержены азартным играм. В большей степени, чем внешним наблюдателям, он доверяет самооценкам, взгляду «изнутри», и именно такой подход практикует в своем эссе «Англия, ваша Англия». В ряде случаев он, правда, прибегает к аналогиям (сравнивает англичан с немцами, итальянцами или французами), но в целом остается в рамках заданной локальной темы. Не европейцы, а именно англичане интересуют его больше всего. Анализ специфики национального характера, «души нации», по выражению Д. Голсуорси, Оруэлл дает весьма нелицеприятно, четко обозначая «плюсы» и «минусы». В его интерпретации англичане отнюдь не пуритане, играют на деньги и сквернословят, «как никто в целом свете», на весь мир известно их лицемерие (особенно в отношении к Британской империи). Писатель отмечает «варварские обычаи и анахронизмы»: например, уголовное право устарело, как мушкеты в Тауэре; судью «ничто, кроме динамита, не заставит вспомнить, в каком веке он живет» (229). Нация с помощью компромиссов сохраняет свой привычный облик, консерватизм взглядов, уважает конституционный образ правления и верит в закон, как в нечто безусловно неподкупное (хотя это только иллюзия, а на практике далеко не так). Судья-вешатель, верный понятиям XIX века, — символическая фигура в Англии, как в Германии 30-х гг. — нацистский штурмовик. Старомодные взгляды и сословный снобизм сочетаются в представлении Оруэлла с мягкостью английской цивилизации. Здесь сохраняется нравственное отношение к жизни, христианские чувства и, как следствие, возникло отвращение к войне и милитаризму, культу силы. «Тоталитарная идея... не прижилась на английской почве», — делает вывод писатель и подтверждает эту истину в своем художественном творчестве — в романе «1984» и сатирической сказке «Скотский хутор». Навязывание чего бы то ни было «сверху» англичанин расценивает как подавление свободы личности: «это свобода иметь свой собственный домик, заниматься в свободное время тем, что тебе по душе, и самому выбирать для себя развлечения» (227). Памятуя об известном афоризме «My home is my castle», Оруэлл отмечает «сугубо частную природу английской жизни», которая обнаруживается подчас в «мелоч-

чах», например, в любви к цветам. Это притом, что англичане отличаются «практическим складом ума» и равнодушны к искусству, не наделены эстетическим чувством, «художественными способностями» (226). В музыкальности они уступают немцам или итальянцам, в живописи или скульптуре — французам. Они питают отвращение к абстрактному мышлению, не интеллектуальны, но способны действовать, не раздумывая, повинаясь здоровому инстинкту или «кодексу поведения», который срабатывает в трудные, кризисные моменты истории. Важно отметить, что Оруэлл в своих рассуждениях особенно большое значение придает миролюбию англичан (в отличие от Олдриджа он не видит даже частных проявлений «агрессивного типа мышления»). «Мягкость» соотечественников он отмечает на разных уровнях: в армии не прижился «гусиный шаг», солдатам и поэтам не импонирует гимн ненависти, полицейские не носят револьверов, кондукторы в автобусах добродушны, идеал в быту — паб, футбольный матч, садик на заднем дворе, камин, чаепитие... Писатель, переживший Вторую мировую войну, считает особенно ценным, что в конце 40-х гг. английское общество управляется «мечом, который никогда не должен выниматься из ножен» (228). Самое существенное в его глазах то, что «в Англии пока еще верят в такие понятия, как справедливость, свобода и объективная истина» (229). Думается, что сохранение мира, верность гуманистическим идеалам он считал важным не только для своих соотечественников, но и для людей других национальностей, в том числе русских. Недаром в одном из своих писем полувековой давности он совсем по-современному писал: «Я за то, чтобы западный демократический социализм способствовал возрождению России»¹³. Это явно звучит в унисон со статьями Голсуорси и Олдриджа на тему межнациональных отношений. При всей специфике подходов авторы приходят к общим выводам и умозаклечениям, за частным хотят увидеть общее, за национальным интернациональное.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Galsworthy J.* The Island Pharisees (preface). Leipzig, 1913. P. 12. Здесь смысловая аналогия фарисейства со снобизмом у Теккерея, ведь показатель снобизма — несоответствие лица и маски, того, «чем хотят казаться и чем являются». В романе Д. Голсуорси «Братство» своего рода лицедейство отмечено у многих героев: у Сесилии, улыбка «самое себя осуждающая», Бианка «высмеивает свои порывы и свою доброту», даже Хилери испытывает неловкость при даме из своего круга и «надевает защитную маску наблюдателя со стороны» (Голсуорси Д. Собр. соч.: В 16-и т. Т. 6. С. 372, 386). Ср. у Фаулза: «родились англичанами с маской на глазах, с молоком неправды на губах» («Волхв» // ИЛ. 1993. № 8. С. 176).

² *Голсуорси Д.* Собр. соч.: В 16-и т. Т. 16. С. 350.

³ Фаулз отмечает как характерные черты «чувство юмора, здравый смысл, терпкий плод английского сарказма» («Волхв» // ИЛ. 1993. № 9. С. 45).

⁴ Так дается оценка англичан у К. Чапека в «Письмах из Англии» (Собр. соч.: В 7-и т. Т. 5) или у ученого-слависта Д. Рейфилда в «Заметках об Англии» // ИЛ. 1994. № 6. С. 222–236.

⁵ *Голсуорси Д.* Сага о Форсайтах. М., 1951. Т. 1. С. 696. Далее ссылки на это издание в тексте статьи.

⁶ *Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 12-и т. Т. 11. С. 324.

⁷ Судьба королевской семьи в современном мире — одна из тем романа С.Таунсенд «Мы с королевой» (ИЛ. 1994. № 7). Роялистские симпатии англичан подтверждаются фактами истории и современности: после казни Карла 1 Стюарта в 1649 году протекторат О. Кромвеля продержался только 9 лет; монархисты победили на референдуме в Австралии в 1999 году.

⁸ Оценки русской литературы такого рода очень многочисленны и неоднородны по диапазону: от комплиментарных до весьма спорных. В очерке Фрейда З. «Достоевский и отцеубийство» (1928 г.), дается трактовка «русской души» как склонной к садомазохизму, отмечается в русских склонность унижать ближних и каяться самому (ИЛ. 1994. № 11. С. 253). В письме Т. Манна А. Толстому (лето 1943 г.) принципиально иной подход: русский народ с его подвигами и страданиями вызывает «глубокое благоговение и восхищение», его культура «великая, святая, глубоко человеческая» (ИЛ 1987. № 11. С. 210–211).

⁹ **Олдридж Д.** Англичане и Советский Союз // ИЛ. 1987. № 11. С. 165 (далее ссылки на этот источник в тексте статьи).

¹⁰ Выступление Олдриджа на III Международной писательской встрече в Софии // ИЛ. 1981. № 12.

¹¹ ИЛ. 1987. № 11. С. 166.

¹² **Оруэлл Д.** Англия, ваша Англия // ИЛ. 1992. № 7. С. 226. Далее ссылки на это эссе в тексте статьи.

¹³ ИЛ. 1992. № 7. С. 253.